

Глава 1

Полет сокола

Солнце — и оно было жестоким. Лица и тела конюхов и офицеров из конюшен фараона, выстроившихся в ряд на просторном дворе к востоку от царского дворца в Уасете¹, блестя так, словно были изваяны из полированной бронзы. Голубизна неба была столь же неумолима, как и божественное правосудие.

Зрелище было не менее тягостным.

Мужчина со связанными за спиной руками, стоявший на коленях посреди двора, услышал приговор главного распорядителя конюшен, сопровителя Рамсеса: тридцать ударов хлыстом за растрату казенных средств, отпущенных на содержание конюшни.

Сплетенный из бычьих жил хлыст щелкнул в первый раз, вспоров кожу на спине виновного. Показались капельки крови. Губы осужденного открылись, однако он не издал ни звука. На вид ему было года двадцать два, и он успел продемонстрировать свою отвагу в многочисленных каратель-

¹ Фивы. (Здесь и далее примеч. авт., если не указано иное.)

ных походах против племен шасу¹ в Амурру. Этот кричать не станет.

Второй удар прочертил еще одну рваную рану. Жертва с глухим хрипом опустила голову. Ни боль, ни унижение не исторгнут из него крика...

По телам зрителей пробежала дрожь. Офицеры хорошо знали Хорамеса. Много раз они делили с ним тяготы войны и радость победы, а в свободный от службы вечер, получив жалованье, вместе отправлялись попить пива и поглазеть на танцовщиц. Выходит, крепкая мужская дружба единит не только души, но и тела? Они своей кожей ощущали каждый хлесткий удар кожаного ремня.

После третьего удара нитка слюны вытекла изо рта Хорамеса и повисла, как отвес, словно бы не решаясь упасть на землю.

Многие поморщились. Что он украл? Сотню медных колец? Две сотни? Тысячу? Какая цена, какой проступок является достаточным основанием для того, чтобы обречь человека на пытку?

На пятом ударе торс наказуемого так низко склонился к земле, что хлыст едва коснулся кожи. Некоторые из присутствующих сказали себе, что Хорамес вряд ли переживет сегодняшний день.

Лица зрителей обратились к небу: высоко над двором парил сокол. Казалось, он застыл в воздухе — живой символ бога Хора, ставший свидетелем торжества справедливости.

Исполнитель приговора размахнулся для шестого удара, когда к управляющему, который являлся заместителем главного распорядителя конюшен, подбежал взволнованный гонец и, с трудом переводя дух, скороговоркой сообщил явно что-то очень важное. Управляющий окриком остановил палача. Рука с хлыстом на мгновение застыла в воздухе, потом упала. Казнь была прервана. Удивление офицеров было недолгим — они быстро догадались, чему Хорамес обязан своим помилованием. Стало быть, фараон Хоремхеб, в последние дни не встававший

¹ Бедуины Палестины.

с постели, отправился на Запад, в Аменти. Это было единственное объяснение происходящему: в дни траура по государю казней не устраивали — таков был обычай.

Часто взмахивая крыльями, сокол улетел.

— С величайшим прискорбием извещаю вас, что наш правитель, воплощение Амона на земле, горячо любимый нами фараон Хоремхеб покинул наши земли и вернулся на свой небесный трон, — объявил управляющий. — Развяжите осужденного!

Офицеры наперегонки бросились поднимать скрючившегося на земле Хорамеса. Послали за лекарем. Когда он явился, раны осужденного уже были промыты пивом. Кто-то дал Хорамесу сосуд с очищенной водой.

В казарме царило оживление. Людей куда больше волновало известие о смерти Хоремхеба, чем плачевное состояние ничем не примечательного офицера, которого отстегали хлыстом. У страны будет новый правитель. Новый начальник должен был появиться и у них, ведь преемник старого фараона не станет сохранять за собой должность главного распорядителя царских конюшен. Итак, правителем Египта станет Рамсес... Управляющий вытер лицо, поправил свой парик и повернулся, чтобы бежать во дворец, к будущему фараону, желая выразить ему свои соболезнования.

— Хорамес помилован? — спросил у него помощник.

— Да, — с досадой ответил тот. — Этот сокол... Это был знак свыше.

Они обменялись мрачными взглядами. Хорамес был одним из любимцев умершего владыки. Они подумали об одном и том же, но промолчали: сделать из увиденного вывод, что душа умершего явилась, чтобы прервать казнь, для набожного человека было святотатством. И все же даже имя осужденного — «Хор его породил» — наводило на мысль о том, что это не простое совпадение.

Никто не обратил внимания на молодую женщину, которая через приоткрытую дверь конторы смотрела на казнь. Она с каменным лицом наблюдала за происходящим, вздрагивая каждый раз, когда хлыст опускался на спину офицера, но

после шестого удара вдруг как-то вся сгорбилась, разрыдалась и убежала.

Через несколько минут явился гонец из дворца и увел осужденного офицера с собой.

Гонец на лошади!

Никто не заметил еще одного зрителя, который наблюдал за сценой казни с террасы, возвышавшейся над двором казармы, — мальчика лет пяти.

* * *

С наступлением ночи компания раздосадованных клиентов остановилась перед трактиром, находившимся недалеко от улицы Великой Реки. Заведение с притягательным названием «Дворец Ихи» стояло у самой воды. Здесь с удовольствием проводили ночи, попивая вино или пиво и услаждая взор плясками полуголых танцовщиц, молодые громкоголосые сынки обеспеченных родителей. Но в этот вечер двери трактира оказались закрыты. Не слышно было перестука сistr и барабанов, не видно света. Да что вообще происходит? Двое или трое нетерпеливых юнцов заколотили в дверь. В конце концов она открылась, и клиенты увидели хозяйку заведения по имени Иануфар, «Цветок лотоса», без парика, с ненакрашенным лицом. Она выглядела недовольной.

— Ты предпочитаешь компанию сов нашему обществу, женщина? — насмешливо поинтересовался один из юнцов.

— Вы что, стая мангустов и живете в далеких норах, раз являетесь шуметь к моей двери? Разве вы не знаете, что фараон умер? Мое заведение закрыто до следующей недели!

Ошарашенные парни переглянулись. Фараон умер? Они провели день в конторах и школах писцов на окраине города, поэтому ничего не знали. Только завтра глашатаи под звуки труб оповестят горожан о печальном событии.

— Вынеси нам кувшинчик в качестве утешения, — рискнул предложить один из молодых повес.

— Вы хотите, чтобы мне пришлось заплатить штраф? — сердито отозвалась Иануфар.

Дверь трактира с грохотом закрылась.

Ни пива, ни вина, ни танцовщиц. Вместо всего этого — всеобщий траур. Смирившись с мыслью, что сегодня веселья не выйдет, будущие государственные служащие неторопливым шагом разбрелись по домам.

Глава 2

Случайно упавший парик

Церемониальный черный парик упал с головы мальчика. **Ц**А может, он и сам снял его, потому что на корабле, который возвращался в Уасет после похорон фараона Хоремхеба, было очень жарко. Принц был слишком мал, чтобы осознавать всю важность соблюдения этикета.

И в тот момент, когда он, перевесившись через поручни первого в царском кортеже корабля, протянул руки к воде, пытаясь рассмотреть рыбок, царедворцы со своих кораблей, следовавших за судном наследника трона, Рамсеса Мериамона Менпехтира, увидели мальчика с непокрытой головой. Им было чему дивиться...

Нет, не симпатичная мордашка мальчугана, свежая, как яблочко, привлекла их внимание. Они смотрели на его волосы — ярко-рыжие блестящие волосы, которые ерошил легкий ветерок, круживший над Великой Рекой.

Некоторые узнали его. Так значит, Па-Рамессу, младший сын Сети и внук будущего властелина Земли Хора, Рамсеса Мериамона Менпехтира, — рыжий!

Рыжий — цвет опасный, знак бога Сета. Символ жестокости, воплощение безжалостных солнечных лучей, иссушающих землю. Это было немыслимо, невероятно. Во всей империи с трудом отыщется десяток рыжих. У жителей восточных областей, граничащих со страной воинственных хеттов, светлые волосы — не редкость, но рыжих среди них нет. Даже домашних животных рыжей масти — ослов, волов и собак —